

Т. А. ТРОФИМОВА

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ¹

Широкое развертывание археологических работ, проводимых научно-исследовательскими институтами Академии наук СССР, академий наук Туркменской, Таджикской, Узбекской, Киргизской и Казахской республик привело к значительному накоплению краниологических материалов, относящихся к разным эпохам и культурам народов Средней Азии и Казахстана. Ряд антропологов, работающих в Средней Азии (Л. В. Ошанин, В. Я. Зезенкова и др.), в Москве (Г. Ф. Дебеч, Т. А. Трофимова, Н. Г. Залкинд, Н. Н. Миклашевская и др.), Ленинграде (В. В. Гинзбург, Б. В. Фирштейн, покойный Е. В. Жиров), принял участие в изучении палеоантропологических материалов с территории Средней Азии. М. М. Герасимов и сотрудники лаборатории пластической реконструкции (Г. В. Лебединская, Н. Н. Мамонова, Т. С. Сурнина) создали ряд реконструкций различных антропологических типов — представителей древнего населения Средней Азии². Многие исследования по палеоантропологии Средней Азии опубликованы в изданиях Академии наук СССР, а также в «Трудах» научно-исследовательских институтов академий наук союзных республик Средней Азии и в других изданиях. Ряд исследований по палеоантропологии Средней Азии сдан в печать, значительное количество палеоантропологических материалов находится в стадии обработки и изучения. Накопленный к настоящему времени палеоантропологический материал — при учете данных истории и археологии — служит важным источником для изучения этногенеза народов Средней Азии.

За три года, прошедшие со времени составления В. В. Гинзбургом последней сводки по палеоантропологии Средней Азии³, накоплен новый краниологический материал, требующий обобщения, что я и попыталась сделать в предлагаемой статье, уделив основное внимание краниологическим материалам, относящимся ко времени с неолита до конца I тысячелетия н. э.

¹ Доклад на эту тему был прочитан мною на заседании антропологической секции экспедиционной сессии Ин-та этнографии Академии наук СССР в апреле 1959 г. Позднее, в октябре 1959 г., переработанный доклад под названием «Палеоантропология Средней Азии» прочитан мной на симпозиуме антропологов в Будапеште.

² См.: М. М. Герасимов, Основы восстановления лица по черепу, М., 1940; его же, Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек), «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXVIII, М., 1955.

³ Предыдущая сводка по палеоантропологии Средней Азии, составленная В. В. Гинзбургом, доложена им на заседании антропологической секции Этнографического совещания в Ленинграде 17 мая 1956 г. См.: В. В. Гинзбург, Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза ее народов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXXI, М., 1959. Первоначальные обобщения по палеоантропологии Средней Азии даны в кн.: Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. IV, М.—Л., 1948 (см. соответствующие разделы по Средней Азии).

Имеющиеся в нашем распоряжении значительные палеоантропологические материалы, относящиеся к эпохе первобытно-общинного строя (энеолита и бронзы), позволяют охарактеризовать в основных чертах расовый состав населения Средней Азии и Казахстана в ту эпоху. Наиболее ранние материалы эпохи энеолита, датируемые IV—III тысячелетиями до н. э. (Кара-Тепе, Геоксюр), и более поздние — эпохи бронзы (III—II тысячелетия до н. э.) из ряда памятников Южной Туркмении (Анау, Намазга-Тепе, черепа из Серахского района, Тахирбай), по данным Гинзбурга⁴, Трофимовой⁵, Ошанина⁶ и Зезенковой⁷, в прошлом — Серджи⁸, характеризуются преобладанием гипердолихокранного европеоидного типа с относительно узким и высоким мезогнатным лицевым скелетом, относительно широким и сильно выступающим носом. Наиболее полная характеристика этого типа дана Гинзбургом и Трофимовой на основании изучения хорошо сохранившихся 23 мужских и 24 женских черепов из раннеземледельческих поселений в Кара-Тепе (возле станции Артык) и Геоксюра (в дельте Теджена)⁹. Черепа из этих раскопок добыты XIV отрядом Южнотуркменистанской комплексной экспедиции, работавшим под руководством В. М. Массона в 1955—1958 гг.¹⁰ Часть этих материалов опубликована¹¹. Аналогичные формы констатируются в Иране в сериях из Тепе-Гиссара (Крогман)¹², Сялка (Валуа)¹³ и некоторых сериях той же эпохи с территории Ирака. Этот тип характеризуется особенностями средиземноморской расы и может быть сопоставлен с «евро-африканским» типом Серджи. В некоторых сериях из тех же памятников отмечается присутствие отдельных черепов мезо-брахиокранного типа, происхождение которого пока не ясно.

Население юго-востока Узбекистана в III—II тысячелетиях до н. э. (черепа из раскопок около г. Чуста и из погребений около оз. Заман-Баба)¹⁴, по-видимому, тоже характеризовалось древними формами средиземноморского типа, который может быть сближен с типами населе-

⁴ В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова, Черепа эпохи энеолита и бронзы из Южной Туркмении, «Сов. этнография», 1959, № 1, стр. 12—28.

⁵ Т. А. Трофимова, В. В. Гинзбург, Антропологический состав населения Южной Туркмении, в эпоху энеолита (по материалам Кара-Тепе и Геоксюра) (в печати); В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии населения Южной Туркмении в эпоху поздней бронзы, «Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции», (ЮТАКЭ), IX, Ашхабад, 1959, стр. 102—106; Т. А. Трофимова, Предварительные данные о черепах эпохи бронзы из Серахского района Ашхабадской области, Рукопись (хранится в Ин-те этнографии АН СССР в Москве).

⁶ Л. В. Ошанин, Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен, «Изв. Академии наук Туркменской ССР», 4, Ашхабад, 1952, стр. 27—34; его же, Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа, «Труды ЮТАКЭ», IX, Ашхабад, 1959, стр. 33—36.

⁷ В. Я. Зезенкова, Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении. В кн.: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова, Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953.

⁸ G. Sergi, Discription of some skulls from the North Kurgan Anau. В кн.: R. Pimpelly, Explorations in Turkestan. Prehistoric civilizations of Anau, Washington, 1908.

⁹ Т. А. Трофимова, В. В. Гинзбург, Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита.

¹⁰ В. М. Массон, Южнотуркменистанский центр раннеземледельческой культуры (в свете работ ЮТАКЭ 1955—1958 гг.) (в печати).

¹¹ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, Черепа эпохи энеолита и бронзы из Южной Туркмении.

¹² W. M. Krogman, Racial types from Tepe Hissar Iran, from the late fifth to the early second millennium B. C., «Verhandelingen der Koninklijke Nederlandsche Academie van wetenschappen, Afdeling Natuurkunde», Tweede sectie, deel 39, N 2, Amsterdam, 1940.

¹³ H. Vallois, Les ossements humains de Sialk. В кн.: R. Ghirshman, Fouilles de Sialk, près de Kashan, 1933, 1934, 1937, т. II, Paris, 1939.

¹⁴ В. Я. Зезенкова, Скелет из погребения в поселении эпохи бронзы близ г. Чуста, «Сов. антропология», 1958, № 3, стр. 91—95; ее же, Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении, стр. 97—98.

ния Южной Туркмении. Краниологического материала с этой территории мало, и выводы пока должны считаться предварительными. Вероятно, к этим же формам может быть отнесен и один череп из погребения эпохи бронзы в Туп-Хона с территории Таджикской ССР¹⁵.

К несколько более позднему времени — II тысячелетию до н. э. — относятся краниологические материалы с территории Казахстана и южной Кара-Калпакии, входившей в область позднейшего Хорезма. На территории Казахстана в ту эпоху¹⁶, характеризовавшуюся андроновской культурой, был широко распространен другой европеоидный тип — с низким и широким лицом, известный в антропологии под названием андроновского¹⁷. Однако наряду с этим преобладающим типом на территории Актюбинского района в Западном Казахстане в погребениях андроновской культуры была добыта серия черепов, приближающаяся по своим морфологическим особенностям к типу черепов срубной культуры Поволжья¹⁸.

В юго-восточной части территории Кара-Калпакской АССР, в области южной Акча-Дарьинской дельты (по материалам из могильника Кокча 3 — раскопки Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР), в последней трети II тысячелетия до н. э. (эпоха тазабагьябской культуры)¹⁹ можно констатировать смещение антропологических типов: один вариант близок к европеоидам срубно-андроновского облика, второй — имеет черты экваториальной расы и может быть связан по происхождению с индо-дравидоидным населением Индии²⁰.

Таким образом, для эпохи энеолита и бронзы на территории Средней Азии и Казахстана отмечаются зоны распространения двух морфологически различных европеоидных типов: юго-западная, где обитали представители восточных вариантов средиземноморского типа, и северо-восточная — область срубно-андроновских типов. Территория Хорезма представляет собою зону смешений, где отмечены северные срубно-андроновские компоненты, восходящие к протоевропейскому типу, и южные, индо-дравидоидные (см. карту-схему, стр. 114).

В настоящее время археологами установлено, что в эпоху энеолита и бронзы на территории Средней Азии были распространены две группы культур. Южную, предгорную часть Средней Азии — области Южной Туркмении и Южного Узбекистана — занимали носители культуры крашеной керамики. В Южной Туркмении была распространена анауская культура, в Фергане — чустская. Северная часть Средней Азии и Казахстана в эти эпохи была занята племенами культур степной бронзы. На территории Казахстана в эпоху бронзы существовали различные варианты андроновской культуры, в Хорезме и прилегающих районах — тазабагьябская, в Фергане кайрак-кумская и др.²¹. Сопоставление обла-

¹⁵ В. В. Гинзбург, Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии, «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 15, 1950, стр. 241—250.

¹⁶ В. В. Гинзбург, Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», вып. 1, Алма-Ата, 1956.

¹⁷ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 70—76.

¹⁸ В. В. Гинзбург и Б. В. Фирштейн, Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана, «Сборник Музея антропологии и этнографии» (МАЭ), т. XVIII, Л., 1958, стр. 426.

¹⁹ С. П. Толстов, Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, «Сов. этнография», 1957, № 4, стр. 40—41.

²⁰ Т. А. Трофимова, Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма, «Сов. этнография», 1957, № 3, стр. 11—17; е е же, Череп из могильника тазабагьябской культуры Кокча 3 (раскопки 1954 г.), «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 2, М., 1959, стр. 15—29.

²¹ О среднеазиатских памятниках культуры крашеной керамики см: R. P i n t r e i - J u, Explorations in Turkestan, v. I—II, Washington, 1908; В. М. М а с с о н, Первобыт-

стей распространения этих культур и нашей карты-схемы дает возможность связать первые из них с зоной распространения восточно-средиземноморских антропологических типов, а вторые — с зоной срубно-андроновских. Что касается индо-дравидоидных элементов, то, по предположению С. П. Толстова и М. А. Итиной, этот тип связан, по крайней мере на территории Хорезма, с раннесуярганской культурой, а возможно, восходит и к более ранней кельтеминарской культуре²².

По предположению ряда исследователей, носители культур степной бронзы были носителями и восточных индо-европейских, иранских языков²³.

Материала очень важной эпохи — перехода от первобытно-общинного строя к рабовладельческому, падающего на первую половину I тысячелетия до н. э., с территории Средней Азии нет.

Несколько более поздний краниологический материал — второй половины I тысячелетия до н. э. — относится к юго-восточным областям Средней Азии: юго-западному и южному Таджикистану и Киргизии, а также к северным Кызыл-Кумам — бассейну Сыр-Дарьи, ее древнему руслу Жаны-Дарья (нынешняя Кызыл-Ордынская область Казахской ССР). С территории Казахстана имеются синхронные краниологические данные, относящиеся к некоторым районам Центрального и Восточного Казахстана, но в настоящей работе мы этих данных касаться не будем²⁴.

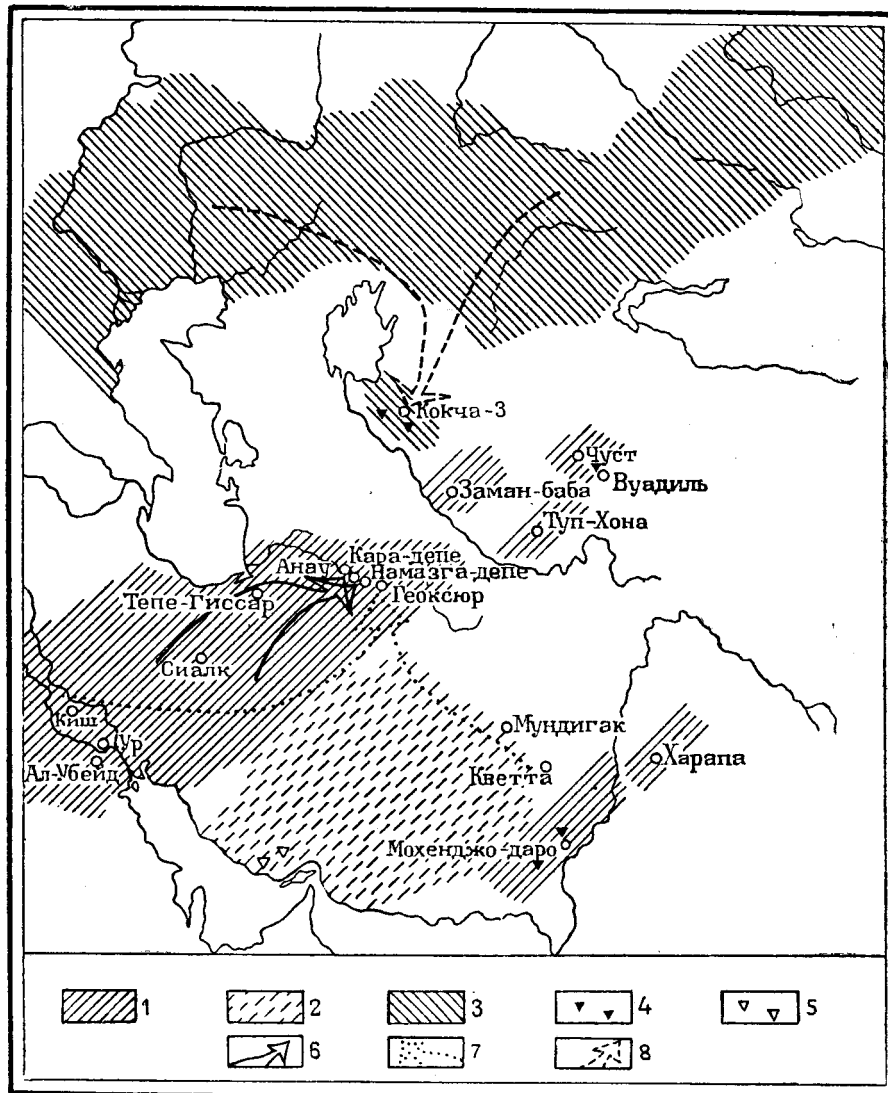
По данным древних источников, а также по вновь выявленным материалам, в эпоху античности основная масса оседлого и кочевого на-

но-общинный строй на территории Туркмении, «Труды ЮТАКЭ», т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 239—259; его же, Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина, там же, стр. 291—373; В. И. Спришевский, Чустская стоянка эпохи бронзы (Наманганская обл., раскопки 1953 г.), «Сов. этнография», 1954, № 3, стр. 69—76; его же, Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 г.), «Краткие сообщения ИИМК» (КСИИМК), в. 69, 1957, стр. 40—49; его же, Чустское поселение эпохи бронзы (раскопки 1955 г.), КСИИМК, в. 71, 1958, стр. 86—98; Ю. А. Заднепровский, Дальверзинское селище, КСИИМК, в. 69, 1957, стр. 50—57. О памятниках степной бронзы см., например: М. П. Грязнов, Казахстанский очаг бронзовой культуры, Сб. «Казаки», вып. III, Л., 1930; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, МИА, № 9, М.—Л., 1949, стр. 54—62; О. А. Кризцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник. «Труды Гос. историч. музея», т. VIII, М., 1948; А. А. Формозов, К вопросу о происхождении андроновской культуры, КСИИМК, в. XXXIX, 1951, стр. 3—18; С. С. Черников, Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXVI, 1957, стр. 28—33; С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 66—67; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 76—77; его же, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., «Сов. востоковедение», 1955, № 6, стр. 99—103; его же, Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956 гг.), «Сов. этнография», 1957, № 4, стр. 36—42; А. П. Окладников, Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г., «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. XXXVII, Сталинабад, 1956, стр. 7—12; Б. А. Литвинский, Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г., Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.», «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. LXIII, Сталинабад, 1956, стр. 27—36; его же, Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г., Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.», «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. XCI, Сталинабад, 1959, стр. 39—52.

²² С. П. Толстов и М. А. Итина. Проблема суярганской культуры, «Сов. археология», 1960, № 1.

²³ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 68; А. Н. Бернштам, Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXVI, М., 1957, стр. 18—21; С. С. Черников, Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана, там же, стр. 31; Э. Мольнар, Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа, «Studia Historica», 13, Будапешт, 1955, стр. 63.

²⁴ В. В. Гинзбург, Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным, «Антропологический сборник», I; «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXIII, М., 1956, стр. 238—298.

Антропологический состав населения Средней Азии и смежных территорий в V—II тысячелетиях до н. э. (карта-схема):

1 — область распространения восточно-средиземноморских типов; 2 — вероятная область распространения восточно-средиземноморских типов; 3 — область распространения антропологических типов, сложившихся на основе протоевропейского типа; 4 — экваториальные антропологические типы (по данным палеоантропологии); 5 — экваториальные антропологические типы (по иконографическим данным III тысячелетия); 6 — переселение антропологических групп в III тысячелетии до н. э. в район Кара-депе; 7 — вероятное переселение какой-то антропологической группы в район Геоксюра в IV—III тысячелетии до н. э.; 8 — переселение антропологических групп во II тысячелетии до н. э. в область южной Акча-дарьинской дельты

Примечание. По Передней Азии дается распространение основных антропологических типов для V—III тысячелетий до н. э., по Средней Азии — для IV—II тысячелетий, так как более ранние краниологические материалы по этой территории не известны.

селения Средней Азии говорила на языках иранской группы, в основном ее восточной, или, по терминологии некоторых авторов, северной ветви, в которую входят из современных живых языков осетинский на Кавказе и ягнобский в верховьях Зеравшана, а также древние согдийский,

хорезмийский и сакский языки Средней Азии. К иранской группе принадлежали также бактрийский и парфянский языки²⁵. Как сказано выше, имеются основания предполагать широкое распространение иранских языков в эпоху бронзы на территории Средней Азии и Казахстана.

Краниологические материалы VI—IV вв. до н. э. из курганов Южного Памира, добытые раскопками А. Н. Бернштама, по его мнению, могут быть отнесены к сакам²⁶. Люди, погребенные в сакских курганах, относились к долихокранному узко- и высоколицему мезогнатному средиземноморскому типу, который морфологически сближается с древними средиземноморскими формами прикопетдагской полосы Южной Туркмении²⁷ и, вероятно, Южного Узбекистана. В несколько более позднее время, IV—II вв. до н. э., в эпоху культуры Кабадиан 3, в низовьях Кафирнигана на территории северной Бактрии (раскопки Мандельштама), по предварительным данным Т. П. Кияткиной²⁸, обитали представители другого, низко- и широколицего европеоидного типа, видимо, являющегося более поздней модификацией андроновского типа. Большая часть черепов этой серии характеризуется затылочной деформацией.

Далеко к востоку среди саков и ранних усуней VIII—III вв. до н. э. в ряде памятников центральной, южной и юго-западной Киргизии прослежены варианты андроновского типа, несколько более грацилизованные, а также различные переходные формы к расовому типу среднеазиатского междуречья²⁹. Можно думать, что эти краниологические материалы свидетельствуют об эпохальной изменчивости андроновского типа. Они указывают на брахикефализацию черепной коробки и грацилизацию лицевого скелета (Гинзбург).

К концу этого периода на территории Киргизии, по-видимому, начинается накопление монголоидной примеси. На территории Казахстана эта примесь появляется в общем раньше³⁰, в частности обнаруженные в районе Жаны-Дарьи монголоидные черепа могут быть отнесены к IV—II вв. до н. э.³¹. С остальной территории Средней Азии сколько-нибудь значительных палеоантропологических материалов этой эпохи нет.

В последующий период, II в. до н. э.—II в. н. э., среди кочевников (усуней), обитавших на территории Киргизии, преобладал брахикранный тип среднеазиатского междуречья, сложившийся на основе более древнего андроновского с включением отдельных средиземноморских элементов и нарастанием монголоидной примеси³². В близко расположенном (около Джамбула, Южный Казахстан) Тамдинском могильнике, датируемом III—II вв. до н. э., констатируются европеоидные мезобрахикранные формы, переходные от андроновского типа к расовому типу среднеазиатского междуречья. Один из черепов несет следы монголоидной примеси³³. В катакомбных погребениях с территории Киргиз-

²⁵ «История Узбекской ССР», т. I, 2-е изд., Ташкент, 1955, стр. 38—40, 50, 84—85.

²⁶ В. В. Гинзбург, Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XI, 1950, стр. 83—96.

²⁷ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, Черепа эпохи энеолита и бронзы из Южной Туркмении.

²⁸ Автор приносит благодарность Т. П. Кияткиной за разрешение сослаться на ее неопубликованные данные.

²⁹ В. В. Гинзбург, Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXI, М., 1954, стр. 354—362, 380 сл.

³⁰ В. В. Гинзбург, Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР..., стр. 243—245.

³¹ Неопубликованные материалы автора из раскопок Хорезмской экспедиции 1958—1959 гг. в Кармакчинском районе Казахской ССР.

³² В. В. Гинзбург, Древнее население Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным, стр. 362—365.

³³ В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии древнего населения Южного Казахстана, «Сов. археология», XXI, М.—Л., 1954, стр. 379—394.

ской ССР (Кенкольский могильник и др.), приписываемых А. Н. Бернштамом гуннам, на рубеже н. э. и вплоть до IV в. н. э. на местный европеоидный брахикранный тип, ведущий начало от андроновского, идет наслаивание, по-видимому, различных монголоидных элементов, проникавших в среду местного европеоидного населения в результате вторжения сюда центральноазиатских, в частности гуннских, племен. Наряду с некоторым усилением монголоидности в краниологических материалах из катакомбных погребений этой эпохи отмечено широкое распространение кольцевой деформации черепа³⁴. Наслаивание, начиная с рубежа нашей эры, монголоидных признаков на андроновский тип и близкие к нему формы, по мнению В. В. Гинзбурга, привело к образованию южносибирского типа. Аналогичный процесс происходил и на территории Казахстана³⁵.

На рубеже нашей эры и в I—III вв. на территории Ферганской долины преобладали типы, переходные от андроновского к типу среднеазиатского междуречья; однако имеющиеся оттуда краниологические материалы обнаруживают следы смешения с другими европеоидными типами (в частности, с европеоидным долихокранном типом — могильники Гур-Мирон и Кува-Сай). Отмечается и монголоидная примесь (могильник Советское)³⁶. В погребениях около Гур-Мирона встречаются черепа с кольцевой деформацией³⁷.

Очень сильной смешанностью, по данным М. М. Герасимова, характеризуется серия черепов III—V вв. н. э. из Ширинсайского могильника, находящегося на крайнем западе Ферганской долины. М. М. Герасимов в составе этой серии выделил три основных типа: хорасанский, уралоалтайский и европеоидно-дравидоидный, дав реконструкцию их лиц³⁸.

В первые века нашей эры в более северных районах (окрестности Ташкента) население характеризуется также большой смешанностью. Так, люди, погребенные в катакомбах курганов около Янги-Юля, характеризовались европеоидным мезо-брахикранным типом с монголоидной примесью³⁹; то же можно сказать о погребенных в курганном могильнике около станции Вревская. Черепа из этого могильника кольцевидно деформированы⁴⁰.

С территории Таджикской республики и южных областей Туркмении синхронных палеоантропологических материалов почти нет. Лишь вдали от южных культурных центров, на территории западного Хорезма в городищах Калалы-Гыр 1 и 2, датируемых II—III вв. н. э.⁴¹, добыт

³⁴ В. В. Гинзбург и Е. В. Жиров, Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР, «Сборник МАЭ», т. X, Л., 1949, стр. 213—265; В. В. Гинзбург, Древнее население Тянь-Шаня и Алая..., стр. 365—374; Н. Н. Миклашевская, Новые палеоантропологические материалы из Кенкольского могильника, «Сов. антропология», 1957, № 2, стр. 211—214. Г. Ф. Дебец считает, что, по имеющимся данным, нет достаточных оснований для заключения о большей примеси монголоидного элемента у «гуннов» по сравнению с усунями на территории Киргизии. См. Г. Ф. Дебец, Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1956, стр. 12.

³⁵ В. В. Гинзбург, Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза ее народов, стр. 31.

³⁶ В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, стр. 85—102.

³⁷ Там же, стр. 88.

³⁸ М. М. Герасимов, Основы восстановления лица по черепу, стр. 123—129.

³⁹ В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии гуннов и савков, «Сов. этнография», 1946, № 4, стр. 206—210.

⁴⁰ В. Я. Зезенкова, Некоторые данные о скелетах из погребальных курганов возле станции Вревская, «Труды Музея истории народов Узбекистана», вып. I, Ташкент, 1951.

⁴¹ С. П. Толстов, Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г., «Вестник древней истории», 1955, № 3, стр. 197—201.

значительный краниологический материал, как из оссуарных захоронений, так и из погребений в башне крепости. Преобладающий тип населения, погребенного в оссуариях, характеризовался европеоидным мезобрахикранным типом с относительно высоким лицом. Отмечены также долихокраны с высоким и узким лицом. Оба эти типа несомненно являются вариантами восточно-средиземноморского (по Ошанину — закаспийского) типа. Можно думать, что эти европеоидные типы были характерны для местного хорезмийского населения. Черепа из калалы-гырских крепостей отличаются затылочно-теменной деформацией⁴². В башне же крепости были захоронены люди индо-дравидоидного облика, бывшие, вероятно, этнически чуждыми для Хорезма⁴³. Относящиеся к этому же времени изображения темнокожих воинов из замка Топрак-Кала С. П. Толстов рассматривает как изображения воинов гвардии хорезмских шахов, комплектовавшейся, по его мнению, из далеких чужеземцев, возможно, обитателей южной Индии, связь с которой Хорезм имел еще со времени кушанов⁴⁴. Можно думать, что люди, погребенные в башне крепости Калалы-Гыр I, тоже были чужеземными воинами.

К IV в. н. э. относятся также материалы из двух памятников, находящихся в непосредственной близости к калалы-гырским крепостям, — Куны-Уаза⁴⁵ и Канга-Калы⁴⁶. Население, погребенное в этих крепостях, было смешанным и характеризовалось сочетанием признаков долихокранного высоко- и узколицего типа (закаспийского) и, по всей вероятности, долихокранного же узко- и высоколицего монголоидного, возможно, северокитайского. Большинство черепов было кольцевидно деформировано. Этнически эта группа может рассматриваться, как относящаяся к хионитам, предкам эфталитов⁴⁷. По нашему мнению, проникновение длинноголовых монголоидов северокитайского типа в хионитскую и эфталитскую среду связано с движением гуннских племен, в составе которых было много выходцев из Китая⁴⁸.

Сходные антропологические типы, наряду с другими монголоидными формами, обнаружены венгерскими учеными на территории Венгрии среди скелетного материала, относящегося к аварскому периоду⁴⁹.

Значительный интерес представляют краниологические материалы из курганов, находящихся в окрестностях городища Алтын-Асар (джеты-асарский комплекс памятников) в Кармакчинском районе Казахской ССР. Эти курганы расположены в районе среднего отрезка старого русла Сыр-Дарьи — Куван-Дарья и датируются первыми веками н. э.⁵⁰. С. П. Толстов относит население, оставившее курганы на Куван-Дарье, к тохарам, которые «в IV—V вв. подверглись влиянию гуннской культу-

⁴² Т. А. Трофимова, Краниологические материалы из античных крепостей Калалы-Гыр I и 2, «Труды Хорезмской экспедиции», т. II, М., 1958, стр. 544—630, е е же, Черепа из оссуарного некрополя Калалы-Гыр I, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 2, М., 1959.

⁴³ Т. А. Трофимова, Краниологические материалы из античных крепостей Калалы-Гыр I и 2, стр. 600—611.

⁴⁴ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1948 г., «Изв. АН СССР, серия истории и философии» т. VI, 1949, № 3, стр. 257—258.

⁴⁵ Т. А. Трофимова, Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей, «Труды Хорезмской экспедиции», т. II, М., 1958, стр. 649—683.

⁴⁶ Т. А. Трофимова, Черепа из Канга-Калы, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 2, М., 1959, стр. 80—105.

⁴⁷ С. П. Толстов, Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г., стр. 200—201.

⁴⁸ Т. А. Трофимова, Черепа из Канга-Калы, стр. 102—105.

⁴⁹ P. Lipták, Recherches anthropologiques sur les ossements avars des environs d'Üllö, «Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae», N 6, Budapest, 1955, стр. 253—269, 283—284; е го же, The «avar period» mongoloids in Hungary, там же, N 10, 1959, стр. 254—255, 274—275.

⁵⁰ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.), «Труды Хорезмской экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 16—30.

ры (и языка) и явились одним из составных элементов белых гуннов (эфталитов)»⁵¹.

Серия черепов из Алтын-Асара — смешанная, европеоидно-монголоидная. Отчетливо выступает европеоидный мезокранный высоколицый тип, встречавшийся, как это установлено нами, среди населения древнего Хорезма. Монголоидный тип тоже, по-видимому, долихокранный⁵².

Таким образом, население этой области было смешанное, сочетавшее местные тохарские европеоидные компоненты с чертами долихокранного монголоидного типа, проникшего в бассейн Куван-Дарьи вместе с гуннами.

В несколько более позднее время, в IV—VII вв. н. э., население области древней Маргианы (Южная Туркмения) было европеоидным долихо-мезокранным, с высоким (и средней ширины) ортогнатным лицом, характерным для закаспийского типа⁵³. Однако среди погребенных в Байрам-алийском могильнике можно отметить и примесь «андроновских» форм⁵⁴.

Закаспийский тип раннего средневековья может рассматриваться как видоизмененный древний восточно-средиземноморской тип прикопетадской полосы эпохи энеолита.

В эпоху поздней античности и раннего средневековья основные расовые компоненты населения многих областей Средней Азии уже определились. Как можно видеть из сказанного выше, процессы смешения различных расовых типов к этому времени достигли большой степени развития. Идет интенсивное смешение между потомками древнего средиземноморского и андроновского типов, все больше включается монголоидный компонент. В середине I тысячелетия н. э. в связи с продвижением с востока новой волны тюркок-кочевников нарастает монголоидная примесь в составе различных групп населения Средней Азии. Смешение средиземноморского и андроновского европеоидных компонентов отчетливо прослеживается и на материалах с территории Бактрии I—III вв. н. э. и на более поздних, относящихся к раннему средневековью (VI—VIII вв. н. э.), когда происходит смешение долихокранов с высоким и относительно узким лицом и брахикранов с низким и широким⁵⁵. То же смешение может быть констатировано и на материалах VII—VIII вв. на территории Согдианы (погребения в наусах городища древнего Пенджикента и его окрестностей)⁵⁶.

Антропологически сходные европеоидные серии черепов добыты также на территории Южного Казахстана (возле Джамбула) из погребений в каменных могилах⁵⁷ последних веков I тысячелетия н. э. и зороастрийских погребений в хумах горы Тик-Турмас⁵⁸. Исследовавшие эти

⁵¹ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948), стр. 31.

⁵² Т. А. Трофимова, Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей, стр. 639—649.

⁵³ Т. А. Трофимова, Череп из оссуарного некрополя возле Байрам-Али, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 2, Приложение, стр. 118—175; В. Я. Зезенкова, Краниологические материалы с территории древнего и средневекового Мерва, «Труды ЮТАКЭ», т. IX, Ашхабад, 1959, стр. 107—131.

⁵⁴ Т. А. Трофимова, Череп из оссуарного некрополя возле Байрам-Али, стр. 128—132.

⁵⁵ В. В. Гинзбург, Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии, МИА, № 15, 1957, стр. 242—250.

⁵⁶ В. В. Гинзбург, Материалы к краниологии Согда, МИА, № 37, 1953, стр. 157—167; его же, Антропологические материалы из окрестностей древнего Пенджикента, МИА, № 66, 1958, стр. 282—289.

⁵⁷ В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии древнего населения южного Казахстана, «Сов. археология», т. XXI, 1954, стр. 379—394.

⁵⁸ Е. В. Жиров, Череп из зороастрийских погребений в Средней Азии, «Сборник МАЭ», т. X, М.—Л., 1949, стр. 264—272.

серии авторы считают, что в погребенных на горе Тик-Турмас можно видеть представителей северо-восточной группы населения Согда.

Среди краниологических материалов VI—VIII вв. с территории Бактрии (урочище Туп-Хона) отмечены три черепа с небольшой монголоидной примесью⁵⁹. Один череп из загородного дома окрестностей Пенджикента тоже оказался монголоидным⁶⁰.

Именно на это время падают первые достоверные исторические сведения китайских и арабских источников о проникновении на территорию Бактрии и Согдианы значительных массивов тюркских племен. Эти данные подтверждаются и расшифрованными за последние годы В. А. Лившицем впервые обнаруженными согдийскими текстами с горы Муг.

Более отчетливо усиление монголизации сказалось на территории Киргизии, что выясняется по краниологическим материалам из раскопок курганов V—VII вв. н. э. на Алайском хребте (урочище Кюкяльды); полученная оттуда серия черепов оказалась очень смешанной из европеоидных и монголоидных элементов. Людей, погребенных в этих курганах, производивший раскопки А. Н. Берштам относил к эфталитам⁶¹. Интересно отметить, что более поздняя серия VI—X вв. н. э., добытая из нескольких памятников Киргизии и относящаяся, по мнению Берштама, к тюркам, хотя и была смешанной, но оказалась более европеоидной, чем предыдущая. Можно думать, что пришлые тюрки были ассимилированы местным населением⁶².

Сильные следы смешения несут на себе и черепа VI—VIII вв. н. э. со значительно более западной территории — из области левобережного Хорезма (раскопки на Куба-Тау). В этой серии имеются европеоидные черепа закаспийского и андроновского типов, на двух из них можно отметить монголоидную примесь⁶³. Большая часть черепов характеризуется кольцевой деформацией⁶⁴. Более поздняя хорезмийская серия IX—X вв. из Беркут-Калы, с территории правобережья Аму-Дарьи, — европеоидная, по-видимому, смешанная⁶⁵, серия же из Наринджана (территория Хорезма) несколько более позднего времени представляется более однородной — европеоидной, умеренно брахикранной, с относительно невысоким лицевым скелетом⁶⁶.

Таким образом, в средневековых краниологических сериях из Хорезма, Согдианы и Бактрии несмотря на значительное смешение еще отчетливо заметны различные компоненты, позволяющие проследить пути сложения антропологических типов позднейшего населения этих областей.

Не рассматривая здесь краниологические материалы II тысячелетия н. э., отметим лишь, что в связи с позднейшими волнами миграции тюркскими кочевников и монгольским нашествием в ряде областей Средней Азии резко нарастает монголизация населения; это устанавливается главным образом путем изучения современного населения, так как кра-

⁵⁹ В. В. Гинзбург, Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии, стр. 245.

⁶⁰ В. В. Гинзбург, Антропологические материалы из окрестностей древнего Пенджикента, стр. 284.

⁶¹ В. В. Гинзбург, Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным, стр. 374—382.

⁶² Там же, стр. 379—382.

⁶³ Т. А. Трофимова, Черепа из Куба-Тау, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 2, стр. 106—114.

⁶⁴ Там же; см. также данные В. Я. Зезенковой в ее работе «Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении», стр. 101—104 и 155—156.

⁶⁵ Н. Г. Залкинд, Краниологические материалы с территории древнего Хорезма, «Труды Хорезмской экспедиции», т. I, стр. 197—204; Т. А. Трофимова, Черепа эпохи средневековья из Беркут-Калинского оазиса, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 2, стр. 115—117.

⁶⁶ Н. Г. Залкинд, Указ. раб.

ниологические материалы позднего средневековья и XIX—XX вв. по большинству областей Средней Азии недостаточны или вовсе отсутствуют.

В это время окончательно складываются современные народы Средней Азии. Усиление монголизации местного европеоидного ираноязычного населения сопровождалось на территории Средней Азии, как это показано исследованиями Л. В. Ошанина, тюркизацией автохтонного населения по языку⁶⁷.

Исследованиями советских антропологов (в первую очередь Л. В. Ошанина, А. И. Ярхо, В. В. Гинзбурга, Г. Ф. Дебеца и др.) установлено, что среди современного населения Средней Азии представлены три основных антропологических типа (приводим данные антропологического состава преимущественно по Ошанину). В областях на юг и запад от Аму-Дарьи (среди туркмен) преобладает закаспийский тип. В областях между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, включая Западный Памир на востоке и Хорезм на западе, на территории Таджикистана и Узбекистана, включая Кара-Калпакию, распространены различные варианты брахикранных европеоидных типов (с различной структурой лицевого скелета), имеющие разное происхождение, но в современных классификациях относимые большей частью к единому европеоидному типу среднеазиатского междуречья⁶⁸. У населения Узбекистана, Туркмении и частично Таджикистана нередко отмечается незначительная монголоидная примесь, обычно более резко выявляющаяся среди женщин. В восточных и северных областях, на территории Киргизии и Казахстана, в настоящее время распространен южносибирский расовый тип смешанного происхождения, но с преобладающими монголоидными особенностями. Палеоантропологические исследования вносят существенный вклад в разработку проблем этногенеза народов Средней Азии, но недостаточное количество данных или полное их отсутствие по отдельным областям и эпохам оставляет пробелы в этих исследованиях.

Кратко резюмируем сказанное. В эпоху энеолита и бронзы, по имеющимся данным, Средняя Азия была заселена представителями двух различных европеоидных типов — восточно-средиземноморского (возможно, в различных вариантах) на юге и юго-западе и протоевропейского (срубного и андроновского) на северо-востоке. В эпоху поздней бронзы в южной Акча-Дарьинской дельте существовали смешанные (индо-драви-доидные) экваториальные формы. Есть основание предполагать их появление на данной территории со значительно более раннего времени, с

⁶⁷ Л. В. Ошанин, Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов в свете данных антропологии (в кн.: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенков, Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953, стр. 9—56); его же, Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, части I—III, Ереван, 1957—1959.

⁶⁸ Л. В. Ошанин в 1957 г. в своей книге «Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов», ч. 1, стр. 94, выделил три варианта: 1) горный — горные таджики (наиболее типичные), 2) припамирский — ираноязычные племена юго-западных припамирских стран (Рушана, Шугнана, Вахана), 3) равнинный (узбеки) — с примесью монголоидных элементов. В. В. Гинзбург в своей работе «Горные таджики» (Л., 1937, стр. 168—169) отмечал, что расовый тип среднеазиатского междуречья «представляется очень лабильным, распадающимся на более или менее отличающиеся локальные группы». По нашему мнению, современный европеоидный брахикранный тип среднеазиатского междуречья распадается на два основных варианта, имеющих различное происхождение. Первый из них образовался путем брахикранизации долихокранного средиземноморского типа с высоким и узким лицевым скелетом, второй в основе имеет модифицировавшийся андроновский тип. Возможны также и смешанные формы. Первый вариант представлен среди узбеков Хорезма, узбеков и таджиков Ферганы, второй — среди горных таджиков и ираноязычных племен юго-западных припамирских стран. Образование этих вариантов частично прослеживается на ископаемых краниологических сериях. См. Т. А. Трофимова, Череп из оссуарного некрополя крепости Калалы-Гыр I, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 2, стр. 67—76.

рубежа III—II тысячелетий до н. э., в составе племен раннесуярганской культуры или даже еще более ранней — кельтеминарской (Толстов, Итина).

Позднее, в начале I тысячелетия н. э., в эпоху античности, на территории Маргианы, Бактрии, Согда, Хорезма имело место смешение этих европеоидных форм; на более восточных территориях современных Киргизской и Казахской республик и юго-восточной части Узбекской ССР появляются модифицированные андроновские формы, переходные к брахикранному расовому типу среднеазиатского междуречья. На территории Хорезма и в Ферганской долине сохранялись включения экваториальных форм. Земледельческое население Средней Азии в ту эпоху было ираноязычным.

Начиная с последних веков до нашей эры и особенно с ее рубежа и в первые века в связи с движением с востока кочевников, в особенности гуннов, в составе земледельческого населения Средней Азии нарастает количество различных монголоидных форм. Наряду с нарастанием монголоидной примеси в составе местного населения идет процесс тюркизации языка. Во II тысячелетии н. э., после вторжения новых волн тюркских кочевников на территорию Средней Азии, окончательно складываются ее современные народы.

* *
*

В заключение этой статьи коротко остановимся на дальнейших задачах по изучению палеоантропологии Средней Азии. До сих пор большим пробелом является отсутствие костных остатков человека верхнего палеолита и неолита. Нет палеоантропологических материалов эпохи бронзы из районов Узбоя и Семиречья, недостаточно их также из междуречья⁶⁹. Существенный пробел в сборе палеоантропологических материалов — отсутствие данных по ранним тюркским племенам, особенно с территории Туркмении. Почти нет краниологических данных с территории Средней Азии, датированных поздним средневековьем, мало материалов, относящихся к XIX—XX вв. (имеются лишь серии узбекских и таджикских черепов и некоторое количество киргизских).

Кроме палеоантропологического изучения Средней Азии, для решения ряда вопросов этногенеза ее народов настоятельно необходимо палеоантропологическое и комплексное исследование некоторых смежных зарубежных территорий, например Синьцзяна (Китайская Народная Республика).

Для более успешного накопления палеоантропологических материалов с территории Средней Азии и Казахстана следует направить внимание археологов на необходимость тщательного сбора краниологических и остеологических материалов во время археологических раскопок, укрепления костей плохой сохранности в полевых условиях и обеспечения их осторожной транспортировки к месту обработки и хранения.

Помимо новых, связанных с накоплением материала исследований, направленных на изучение палеоантропологии Средней Азии и дальнейшую разработку проблем этногенеза ее народов, представляется необходимым выдвинуть следующие частные задачи:

1) изучение путей распространения экваториальных компонентов, начиная с эпохи бронзы или неолита (если будут обнаружены краниологические материалы этого периода), а также и более поздних;

2) изучение формирования брахикранных компонентов, объединенных в настоящее время под названием расового типа среднеазиатского междуречья;

⁶⁹ В. В. Гинзбург, Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза ее народов, стр. 34.

3) исследование различных проникавших на территорию Средней Азии монголоидных компонентов, их морфологических особенностей и путей проникновения;

4) поиски новых методов выделения на краниологическом материале расовых типов II порядка в смешанных популяциях.

Для разрешения задач дальнейшего палеоантропологического изучения народов, населяющих республики Средней Азии, и разработки вопросов их этногенеза, необходимо усиление контакта между антропологами и археологами, обеспечивающего нужную направленность исследований и наиболее полный сбор краниологического и остеологического материала.

SUMMARY

In the aeneolithic period and Bronze Age, the territory of Central Asia was inhabited by populations belonging to two divers European types — the East Mediterranean type (possibly represented by different variants) in the south and southwest, and the proto-European type (frame-house and Andronovo cultures) in the northeast. In the later Bronze Age, there existed mixed (Indo-Dravidian) equatorial types in the southern Akcha-Darya delta. There is reason to believe that their appearance in the given territory dates from a much earlier period (around 2000 B. C.); they were probably a component of the tribes of early Suyargan culture, or of a still earlier — Kelteminar culture (as assumed by S. Tolstov, M. Itina).

At the beginning of the first millennium A. D.— in the antique period — these European forms intermixed on the territory of Margiana, Bactria, Sogdiana and Khwarizm: in the easternmost territories (present-day Kirghizia and Kazakhstan) and in the southeastern part of the Uzbek Republic modified Andronovo population forms made their appearance, evincing a transition to the brachycranial Central Asian racial type (the type characteristic of the area between the Amu Darya and the Syr Darya). On the territory of Khwarizm and Fergana Valley equatorial forms survived. The agricultural population of Central Asia in that period spoke Iranian languages.

In the last centuries of the 1st millennium B. C. and especially in the early centuries of our era, there was a marked increase of Mongoloid forms among the agricultural populations of Central Asia — a result of migration from the east of nomad tribes, particularly the Huns. Along with the growth of Mongoloid admixture, the process of the Turkization of language was taking place. After the 10th century, following incursions by new waves of Turkic nomads on the territory of Central Asia, its modern populations took definite shape.